

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

В начале 1990-х годов 14 российских социологов, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов России. Так началась трехлетняя социологическая экспедиция, главная цель которой состояла в том, чтобы заложить основу крестьянских устных архивов. Архивов, где можно было бы накапливать воспоминания и размышления людей, постоянно живущих на земле и занятых большей частью медленным и кропотливым трудом, нежели разговорами. Нам было важно услышать подлинные голоса тех, кого иногда называют “нерассуждающим большинством”. Ежедневно в течение трех лет, в будни и праздники, зимой и летом записывалось около 50-ти страниц крестьянских семейных хроник. Лишь малая часть из них издана в книжке “Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах”, но основной корпус почти в 30 000 страниц смиренно лежит на полках хранилищ. С тех пор прошло пять лет. Эту работу, как бы сложна она ни была, стоит продолжить. Хотя бы ради того, чтобы трудная история новой России писалась не только учеными, политиками и журналистами, но и отражалась тихими крестьянскими голосами, пробивающимися снизу. Я хочу рассказать о “технологии встреч и бесед” с сельскими жителями, поделиться опытом записывания текстов семейных хроник. Быть может, отыщутся люди, которым пригодится наш опыт, и они отважатся продолжить начатое дело.

Крестьянская семья как субъект истории и ее свидетель

Если согласиться с тем, что крестьянин до сих пор остается “великим незнакомцем”, то верным будет и то, что время, прожитое и проживаемое сейчас крестьянством, можно назвать “великой неизвестностью”. В самом деле, — многое ли мы знаем о подробностях и структурах былой и нынешней деревенской повседневности? Не базируется ли наше понимание уже ушедших и продолжающих жить сегодня крестьянских миров на неких поверхностных впечатлениях, внушающих нам мысль о принципиальной элементарности, неразвитости, “скудельности” и, как весьма крепко выразился один мыслитель, “идиотизме” сельского существования? Каковы бы ни были ответы на подобные вопросы, крестьянство и по нынешний день продолжает

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН. Адрес: 410600 Саратов, ул. Московская, 94. Телефон: (845-2) 24-24-26. Электронная почта: root@grape.saratov.su

Статья подготовлена на основе исследования истории крестьянских семей, проведенного в 1991-1994 годах под руководством профессора Т.Шанина.

оставаться загадкой – социальной, экономической, психологической, политической и культурной. Наше исследование было задумано как попытка в очередной раз углубиться в объяснение хотя бы некоторых элементов этой загадочности и неизвестности. Размышляя, с какой стороны следовало бы подойти к крестьянам, мы пришли к выводу, что пределом деления сельских общностей должна стать семья. Именно семья, за плечами которой всегда просматривается более или менее темная глубина данного крестьянского рода, выступает в качестве особого, не похожего на иные, “кванта” социально-экономической и культурной истории деревни. “А вот послушаем да поглядим, какого ты есть роду-племени!” – вот выраженное на языке самих крестьян понимание семьи как самостоятельного, иного, чем другие, исторического субъекта. В то же время семья является и свидетелем, инстинктивным “хронотопографом” того исторического поля, где она движется. Как субъект крестьянской истории она может быть достаточно объективной, когда попробует заняться реконструкцией обстоятельств собственного повседневного существования. Вот одна из таких простодушных, но удивительно точных “реконструкций”.

“А как в колхоз стали загонять, погодили годик, поупрямились, а потом видим – уж нельзя, и перестали упрямитесь, и пошли все в колхоз. А в колхозе полюбилось всем что? А тут беззаботно: дадут наряд, и пойдешь его выполнять. Пахать поедем, боронить, жать... Жать – серпами все жали, молотить – приводом молотили. В колхозе все у нас готовое. Не надо ни борону, ни телегу, все сладят. Мужики были, мастера и кузнецы, дадут им наряд, вот они все и сделают. А наряда очень слушались, никто не отпирался. Куды пошлут, туды и пойдём. Раз надо работать, дак... Не спорили. Дадут наряд и не разговаривали, – ступай, да и все. Да когда и поспорят, не понравится – дак чего ж, делать нечего. Вот и я так попала. Не хотелось мне, все боялась, как идти... Попросили, и пошла. И пошла, а потом пристала к одной работе, думаю: так уж, и так, – знай свою работу. Встанешь и знаешь свой наряд. По наряду: день – сюды, да день – сюды. А уж тут вся твоя работа, знаешь ее. Вот я и любила, что на одной работе. Привыкла. А привыкла, так и хорошо” (М. Лаврентьева).

Семейные истории как универсальный первоисточник

Приступая к работе, нам нужно было с самого начала определить, что будет служить центральной информационной волной. Мы остановились на том, что доминирующим информационным корпусом будут различные сведения, получаемые в ходе записи устных семейных историй. Важность блока “Семейные истории” объясняется тем, что до сих пор существует почти 50-ти летний разрыв в знаниях о российской деревне. С одного края этого разрыва мы видим немало исторических исследований по коллективизации, с другого – многочисленные исследования о современном положении села. Для заполнения этого пробела наиболее приемлем метод получения возможно более широкой информации через память крестьян.

Первым методическим требованием для отбора тех семей, с которыми нам предстоит работать, была продолжительность исторической памяти. Семья должна была помнить начало коллективизации, желательно – из первых рук. Если переложить это правило на возраст респондентов, то мы должны были отбирать в качестве рассказчиков тех крестьян, год рождения которых – не позже 1913-1914 годов. Люди, родившиеся в это время, к началу коллективизации уже имели возраст 16-17 лет. По деревенским меркам это немало: крестьяне взрослеют гораздо раньше городских жителей. Они могли рассказать нам о различных обстоятельствах коллективизации на основании личных наблюдений и, кроме того, передать сведения о судьбах отцовского (а возможно и дедовского) поколения, представители которого нам были уже недоступны. В 1990 году, когда начался сбор семейных историй, найти в селах памятливых 75-летних стариков было достаточно легко. Но уже спустя всего три, четыре года живых свидетелей коллективизации пришлось бы отыскивать с большим трудом. Да и многие наши респонденты умерли в ходе проекта, буквально на наших глазах. Но мы все-таки успели расспросить их, подружиться с ними и, нередко, проводить их к вечному покою.

Понимание метода, жанра семейных историй как универсального информационного первоисточника далось нам не сразу, а только в результате довольно длительного времени пребывания в деревнях. Многочисленные “разговоры запросто” внушили нам несложную, но очень важную мысль о том, что память неискушенных, доверчивых людей нельзя использовать лишь для реализации каких-то специальных, научных и, стало быть, неких ограниченных целей. Если человек разговорился, если он почувствовал азарт воспоминаний и отдался ему, – нельзя людей прерывать, нельзя переставать их слушать и нельзя задавать, не дав старикам выговориться, очередные программные вопросы, отмахиваясь (пусть и очень вежливо) от их самостоятельных повествовательных инициатив. Любой из вопросов, заданных нами, “вытаскивал” из памяти респондентов множество ассоциативных воспоминаний, – люди хотели выговориться. По отношению к нам они ощущали себя “просветителями”, “учителями”, входя иногда в объяснение таких деталей крестьянской повседневности, спрашивать о которых нам никогда не пришло бы в голову.

“Бывало, пололи. Двадцать пять копеек из зари в зарю выбивали. Двадцать пять копеек, а?! А ведь осот, руки колет, кормильцы! А обедать-то поведут не вдруг. Часов-то не было – бригадир намерит лапами тень: рано иль не рано? Как намерит? Да очень просто! Встанет спиной к солнышку. Заметит, в котором месте тень от головы кончается. И до этого места тень свою лапами мерит. Ну, приставляет ноги одна к одной, идет. Если две ноги будет, это значит, двенадцать часов. Обедать пора. А если больше, – нет еще двенадцати. Нет, стало быть, и обеда...” (А.Симакина).

Как мы получали информацию: “принцип мягкости”. Основной способ сбора информации по истории крестьянской семьи – это развернутое, многочасовое или порой даже многодневное интервьюирование респондента. Наиболее крупные тексты устных семейных историй, записанные во время полевого исследования, потребовали пятидневной ежедневной работы

интервьюера. Каждая беседа продолжалась в среднем два-три часа, занимая не менее двух полуторачасовых кассет магнитной ленты. Такой способ получения первичной информации достаточно утомителен. Но он является единственно приемлемым и результативным для глубокого и всестороннего погружения как в "биографию" крестьянской семьи, так и в ее историческую "судьбу". Мы различаем эти два понятия. Событийную канву ("биографию") семейного хозяйства можно воспроизвести и зафиксировать в ходе довольно непродолжительного, однократного контакта с респондентом. Но для того чтобы добиться сперва реконструирования, а затем и понимания "судьбы двора", требуется время и, что самое важное, – не опрос, а живая, взаимноинтересная беседа, диалог социолога и респондента. Требуется установление индивидуального, неповторимого по характеристикам, человеческого контакта с рассказчиком-крестьянином. Мы к этому постоянно стремились. И не случайно очень многие респонденты стали не только нашими добрыми знакомыми, но и друзьями, которым есть что вспомнить вместе. Связи с ними систематически поддерживаются и после завершения полевого исследовательского цикла. Несмотря на отдаленность и нынешнюю транспортную труднодоступность деревень, мы время от времени навещаем наших старших друзей, выполняем их скромные просьбы: возем им подарки, лекарства, фотографии и, что выглядит особенно трогательным и вызывает массу положительных эмоций, – дарим крестьянам написанные нами книги и статьи, где черным по белому объективированы следы наших дружественных повседневных контактов.

Таким образом, специфичность способов получения информации состоит в том, что они (при всей строгости поставленной научной задачи) принципиально неформальны, ненасильственны. Сведения не "выбиваются" из крестьян. В противном же случае искомого результата ты можешь и не получить. Так произошло, когда я пытался выяснить у И.В.Цаплина его представления о различиях между характером жителей Красной Речки и сопредельных сел. Вот образец моего профессионального поражения:

В.Виноградский: – Давайте ответим на такой вопрос: какие вы, краснореченские, по сравнению со всеми другими? Вы – иные люди или же нет?

И.Цаплин: – Ну, какие они?! Да все такие же люди, тур твою мать! Зачем ты это пытаешь?!.. Это – лишнее...

В.Виноградский: – Нет, дядя Ваня, это не лишнее! Бывает так, что одна деревня – такая, а другая деревня – совсем иная. Как говорится, и настроение, и повадки... Другие там люди, понимаете? Или он хитрее, или они, наоборот, проще...

И.Цаплин: – Но ведь в каждом селе народ-то разный имеется. (Умолкает.) Не знаю, что тебе ответить... Я не знаю, чаво тут к чему. Что, чаво, у кого какое настроение, у кого как жизнь идет?! Село – оно село и есть. Все такое же село. Ну, не знаю я! Как я тебе могу сказать про них? Ну, бывал я и в Оркино, и везде. Ну, побудешь там, да и все! Приедешь, а кто ее знает, какие они есть, жители-то! Да мне это и не нужно было – как он живет, как он скитается!.."

Этот разговор меня многому научил. Прежде всего, тому, что “коротких путей” к истине не бывает: не следует добиваться от крестьян мгновенных обобщений. Их представления о мире предметны, рассыпаны в подробностях, прикреплены к конкретным жизненным ситуациям. Оценки и обобщения существуют, главным образом, в растворе повседневного опыта, вырастают и формулируются снизу, а не накладываются на жизнь.

Как мы организовывали “голос снизу”? Полевой этап настоящего исследовательского проекта весьма специфичен и, в определенном смысле, уникален для обычной социологической практики. В чем это проявляется? Ведь если смотреть со стороны, контакты исследователя с респондентом выглядят весьма обыденно и привычно – два человека сидят и мирно, неторопливо беседуют о жизни. Однако внутренняя их сложность и интеллектуально-эмоциональная напряженность заключаются в том, что данный исследовательский контакт обязан быть максимально развернутым, пространственным, множественным, разноуровневым. Это задается и замыслом всей работы, и временем, отведенным на каждый деревенский исследовательский цикл (восемь месяцев). Полевые социологические процедуры в рамках данного проекта принципиально неторопливы. Они не экономят время исследователя, но весьма бережно относятся ко времени респондента, тотчас прерываясь, когда это становится необходимым для постоянно занятого крестьянина. Будучи многочасовым и порой многодневным, общение с респондентом не может не иметь свою развернутую драматургию, свои смысловые и моральные акценты, свое прошлое, настоящее и будущее.

Социологический инструмент почти никогда не в состоянии начать и завершить свое действие в рамках однократной встречи и беседы с респондентом. Больше того, – пакет социологических инструментов не выступал, как это обычно бывает, в качестве главного “энергетического” механизма всего проекта. Замысел работы как раз и состоял в том, чтобы повторяющиеся встречи с одним и тем же респондентом, намеренное или ненамеренное возвращение к уже пройденным вопросам, уточнение и переформулирование их, внимательное отношение к “информационным инициативам” рассказчика, желającego поведать о собственных печалях и радостях, – чтобы все эти естественные для обычного разговора моменты творчески “отменили” тот или иной социологический вопросник. Чтобы последний выполнил роль хотя и продуманного, структурированного и имеющего внутреннюю логику, но все же лишь тематического ориентира. Да и сам исследователь как главный социологический инструмент проекта в интересах дела должен продуктивно “забыть” все то, что он обсуждал с коллегами и к чему готовился в библиотеке. Забыть постольку, поскольку ему необходимо на время полевого этапа максимально раствориться в деревенском сообществе, стать в глазах крестьян обычным собеседником и, если удастся, хорошим знакомым и другом.

Суммируя вышесказанное, можно сформулировать одно из первых правил для полевого исследователя, который приехал в деревню почти на целый год. Оно звучит так: “Не делать умного лица”. Иначе говоря, – не быть в гла-

зах крестьян явным специалистом, исследователем, ученым. Социолог должен быть максимально открытым для свободного, непринудительного общения. Он должен сосредоточиться на том, чтобы его программные разговоры с респондентом были сугубо интересны последнему, чтобы у крестьянина не возникало бы ни тени подозрения, что его расспрашивают, то есть, в конечном счете, используют для неких внешних и порой не совсем ясных для него целей. Все это необходимо для того, чтобы максимально мягко, незаметно, ненавязчиво организовать откровенное крестьянское повествование, — так называемый “голос снизу”. Организовать и внимательно вслушаться в него как в целостность, а не только набор актуальных высказываний. Организовать и внимательно запротоколировать его для нынешних и будущих исследователей. Однако “голос снизу” — это не любой крестьянский рассказ и не любая, пусть даже самая доверительная и сердечная беседа с деревенским жителем. В идеале, “голос снизу” — это произвольно, то есть не с помощью понуканий интервьюера, а вполне самостоятельно выстраиваемая самим респондентом система, круг воспоминаний, размышлений, взглядов, пристрастий, оценок, сетований и надежд, которые существуют в крестьянском сознании и памяти не порознь, а опираясь одно на другое и продуцируя друг друга. Именно система, а не набор беспорядочных высказываний, продиктованных чаще всего сиюминутным настроением, реакцией на конкретную ситуацию, стремлением понравиться городскому собеседнику или, наоборот, его обидеть или подшутить над ним.

“В.Воротников:— *А отец мой был по профессии портной. И довольно образованный. Я потом тебе покажу его фотографию. И еще покажу, какой у него почерк был. Он ведь кончил высшее учебное заведение, в Бурасах.*”

В.Виноградский:— *А было разве такое здесь в старину?*

В.Воротников:— *Да зачем же?! (Покровительственно усмехается.). Как ты не понимаешь?! Ну, школа это простая, четырехклассная... Это я так, со смехом, тебе говорю — “высшая”. Выше-то ничего не было в Бурасах, кроме этой школы! Чего же это ты такой доверчивый, Валерий?..”*

Подобные моменты в процессе общения социолога и респондента возникают довольно часто, однако, к подлинному “голосу снизу” они имеют косвенное отношение. И задача ученого состоит в том, чтобы (и в процессе непосредственного общения, и после него, расшифровывая диктофонную стенограмму) терпеливо расчистить подобный словесный шлак и еще и еще раз коснуться натуральных пластов памяти рассказчика. Организация “голоса снизу” — задача непростая и требует постоянной осмотрительности и внутренней настороженности полевого исследователя. Все начинается с того, что мы называем “правильным входом в село”.

Как мы входили в село? Внезапное появление в деревне новых людей никогда не проходит незамеченным и вызывает у местных жителей смешанное чувство любопытства, опасения и стремления, если это возможно, извлечь какую-то пользу из контактов с приезжими. Поскольку реализация ни одного из этих ожиданий не входит в намерения социолога, появление его в деревне необходимо организовать так, чтобы оно было как можно более не-

заметным. Необходимо постараться приучить деревенских наблюдателей к мысли, что в село пришли люди, которым ничего (или почти ничего) не нужно. Которые ничего не добиваются, ничего не просят и не вмешиваются в повседневное существование местных жителей. На самом деле это, конечно, не так, – потребность социолога в информации огромна. Но всему свое время и свое место, в том числе и тому, ради чего все затеяно, – долгим беседам с крестьянами. Правильный вход в село – это, прежде всего, незаметный вход. Незаметный в том смысле, что появившийся в деревне новый человек не замечается на первых порах жителями в качестве исследователя, в качестве ученого, обладающего некоторыми знаниями (в том числе – знаниями деревенской жизни) и имеющего определенную цель.

В первые дни и недели социологу предпочтительно надеть на себя личину просто любопытного человека. Любопытствующего чудака, поведение которого не дает крестьянину оснований для подозрений в каких-то специальных намерениях, и даже выражение лица которого не свидетельствует о наличии какой-то скрытой и непонятной цели. Подобная простодушная хитрость необходима в начале исследовательского цикла для того, чтобы, повторяем, деревенское сообщество не почувствовало в специалисте его профессиональной нацеленности, его целеустремленного интереса ко вполне определенной информации, требующей сотрудничества с немногими, в сущности, сельскими жителями, которые обладают даром памяти и слова. Наоборот, специалист-социолог должен быть поливалентен в том смысле, что для него интересным, близким и поучительным является все, происходящее на его глазах в деревне.

Все сказанное – это лишь общая канва поведения исследователя в первые недели его пребывания в селе. Уточнения и варианты здесь не только возможны, но и, как показывает опыт, неизбежны. Это зависит от деревенских нравов, которые не жестко стандартны и имеют интересные региональные различия. В конкретном же плане вход в село начинается с визитов к местному начальству. Избегать их – неосмотрительно, а порой и просто вредно с точки зрения успешной реализации исследовательских целей. Самый безобидный и, вместе с тем, широко контактирующий с местными жителями деревенский начальник – это, до недавнего времени, председатель сельского Совета, а после упразднения этой должности – глава сельской администрации. Предстать перед ним целесообразно все в той же личине любопытствующих субъектов, цель которых, к примеру, – собрать материал для книги или для документального киносценария, рассказывающего об истории данного села. Непременный патриотизм местных жителей, в том числе и лиц, облеченных властью, немедленно реагирует на этот интерес городских людей, – причем в плане безусловно положительном.

При первом контакте с руководством необходимо добиться того, чтобы социологи были поселены на какой-нибудь “нейтральной территории”, – пусть даже бытовые условия там невыносимы. Прожить в каком-нибудь клубе, подсобке, сторожке, мастерской и пр. хотя бы несколько первых дней полезно для того, чтобы с самого начала не быть в глазах местных жителей

включенным в какую бы то ни было привилегированную деревенскую нишу. Несколько позже параметры распорядка и условий жизни социолога в деревне урегулируются как бы сами собой, поскольку постепенно налаживается, растет и укрепляется сеть разнообразных отношений с местным населением, которое обычно не остается безучастным к людям, не собирающимся покидать их деревню на следующий день.

В состав первых действий при входе в село включается поиск и отбор будущих рассказчиков-респондентов. Формально этот отбор следует начинать в кабинете главы сельской администрации. Объяснив нашу общую задачу, следует поинтересоваться, имеются ли в селе крестьяне, которые могут и умеют рассказывать о прошлой деревенской жизни, о временах как единой, так и колхозной форм организации хозяйства. И в этот момент, как показывает опыт, возникает весьма интересная ситуация. Местное начальство, хотя и понимает безобидность профессиональной задачи социологов, все же как-то неосознанно, инстинктивно диктует список таких сельских респондентов, которые, как это выясняется позже, по складу характера и воспитанию не склонны к обнародованию неких корпоративных деревенских "тайн", – то есть таких эпизодов местного существования, которые могли бы бросить хоть малейшую тень на "честь мундира" поселения. Подобный поворот событий, конечно, не неизбежен, но миновать его – хотя бы и в стертой, едва уловимой форме – нам не удавалось никогда. Поэтому этот первоначальный отбор будущих респондентов мы и называем формальным. Окончательный список формируется несколько позже, когда социолог уже входит во множество непосредственных контактов с местными жителями. И этот новый набор имен может иногда стопроцентно не совпадать с тем, на котором остановилось деревенское руководство.

Однако данный рекомендательный список целесообразно беречь и постоянно держать его на рабочем столе. Ибо в ходе полевого этапа нередко возникают моменты, когда не только интересно, но и весьма поучительно посмотреть обе исторические картины – и выпрямленную, идеологизированную, и ту, которая составлена неангажированным властями очевидцем. Например, история коллективизации в селе Тепловка Новобурасского района Саратовской области предстает в устах, с одной стороны, В.И.Воротникова и, с другой, Н.В.Рычагова, в существенно различном освещении. И дело тут вовсе не во владении деталями, а в оценке событий, в их определенной идеологической интерпретации.

На все эти стартовые процедуры – незаметный вход в село, устройство быта, первые содержательные знакомства с местными властями и жителями, формирование списка будущих респондентов, – уходит в среднем, как показал наш опыт, от двух-трех до пяти недель. Этот срок от одного исследовательского деревенского цикла к другому, естественно, укорачивается. И этого времени оказывается достаточно, чтобы перейти к непосредственной работе по сбору информации в соответствии с различными программами с помощью специально подготовленных для этого социологических инструмен-

тов. Но для этого нужно подготовиться к тому, чтобы войти уже непосредственно в крестьянский семейный двор.

Как мы входили в семью? Если существуют некоторые практические правила незаметного входа в село, обеспечивающие последующий исследовательский “комфорт” и позволяющие в значительной мере избежать ненужного для социолога ажиотажа, то войти в определенный крестьянский двор, в конкретную деревенскую семью столь же незаметно нельзя. Специальный приход в семейный дом приехавшего издалека городского человека, несомненно, событие для крестьянина, в определенном смысле – фактор тревоги. Это очень заметно по выражению лиц хозяев, некоторой скованности, подчеркнутой предупредительности, их мгновенному согласию на знакомство и контакт, которые, если всмотреться пристальнее, являются оборотной стороной стремления поскорее отделаться от необычных визитеров. И здесь нужно, что называется, “брать быка за рога”. Нужно спокойно, но настойчиво объяснить собеседникам то обстоятельство, что именно они являются необходимыми для специалистов свидетелями изменений, которые произошли в деревне за последние пятьдесят-шестьдесят лет. Нужно постараться внушить возможным респондентам, что речь в наших разговорах пойдет прежде всего о былом, о том, что уже успокоилось и устоялось, и что никто, кроме них, не может восстановить ушедшие события в деревне в их живой связи. Но эти общие, проговариваемые социологом, положения должны быть минимальными по объему. “Пережимать” здесь не нужно. Умный собеседник поймет вас с полуслова. Но он должен решиться на этот контакт, – решиться, заранее понимая, что однократной встречей здесь вряд ли обойдешься. Помочь принять это решение, разбудить азарт воспоминаний можно, спрашивая о безобидных конкретных вещах. Вспоминая собственный опыт, я вижу, что положительные результаты контактов с сельскими респондентами возникали тогда, когда я в ходе общего разговора задавал совершенно конкретный вопрос (например, где были расположены гумна и мирские амбары, какой престольный праздник отмечается в этом селе, каковы старинные названия улиц или концов деревни и т.п.) и в ответ на него, как правило, следовал краткий увлеченный рассказ, переходящий на другие сюжеты. И поскольку этот рассказ почти всегда имеет тенденцию разворачиваться, длиться, приходится со вполне искренним сожалением, что этот разговор пока не записывается, мягко останавливать рассказчика, говоря ему, что мы не хотим и не имеем право пропустить ни одной подробности, и поэтому в следующий раз обязательно принесем “электрическую записную книжку”. Тем самым респонденту внушается мысль о сугубой ценности его воспоминаний и легализуется диктофон как будущий свидетель наших бесед.

Подобный вход в семью является эффективным не всегда, а примерно в трех четвертях случаев. Бывает и так, что наталкиваешься на отказ, мотивируемый обычно беспамятностью и неинтересностью для посторонних собственной жизни. В данном случае не стоит распространяться об общих целях сбора информации, а сразу задать несколько конкретных вопросов, чтобы убедиться в обоснованности отказа от бесед.

Когда все эти процедуры осуществлены, наступает время основной работы, время длинных бесед с крестьянами, от начала до конца протоколируемых с помощью звукозаписывающей техники. Но прежде следует обдумать и принять решение по вопросу о степени одновременной “широты захвата” семей-респондентов, то есть с каким количеством семей надо начинать работу. И это – не формальная процедура. Дело в том, что, как показал опыт полевого этапа, в различных деревнях люди по-разному относятся к тому, что у них появились и ходят по домам приезжие люди. И вслед за тем, как уляжется первое чувство обеспокоенности и любопытства к социологам, возникает или стремление залучить их к себе в дом, или спокойное ожидание того, что и их двор не минуют. Эти моменты зависят, повторяем, от деревенских традиций. Скажем, когда престиж деревенской семьи вырастает в глазах односельчан в зависимости от того, выбрана ли данная семья для регулярных визитов или нет, целесообразна практика именно “широкого захвата”. То есть разумно одновременно идти в несколько соседних дворов, работая в каждом из них не слишком продолжительное время, но имея при этом в виду, что основной “информационной базой” является на этот период одна (или, максимум, две) семья. Посредством такой тактики в значительной степени нейтрализуется ревнивое отношение соседей к тому двору, который часто и охотно посещается приезжими людьми. Когда же внутридеревенские отношения организованы иначе и налицо ровное отношение к фактам визитов городских людей (это заметно прежде всего в больших придорожных селах), в этом случае можно исчерпывающе опрашивать сперва одну семью, затем переходя в другую. Эти, на первый взгляд, организационные мелочи на практике очень важны и могут или способствовать получению значительных объемов качественной информации, или же незаметно препятствовать этому.

Здесь уместно упомянуть еще об одном, по форме – организационном, а по существу – нравственном, условии, выполнение которого социологом будет, как показал опыт работы в деревне, постоянно поддерживать его репутацию как любопытствующего безобидного чудака и в то же самое время наполнять ее серьезностью и почтением. Это условие таково – быть человеком слова. Все обещания, если они даются крестьянину, должны быть неукоснительно и точно в оговоренный срок выполнены (например, опустить письмо в городе, купить лекарство, резиновые сапоги, конфеты и т.д., навести в городских учреждениях различные справки и пр.). Оговоренные заранее дни и часы прихода в крестьянскую семью должны соблюдаться социологом с точностью до минуты. На первый взгляд, это – обычная вежливость. Но что перечисленные моменты не слишком характерны для нынешнего повседневного деревенского существования. И, будучи безоговорочно и систематически выполняемыми людьми из города, эти поведенческие акты без лишних слов дистанцируют социологов от местного населения. Дистанцируют в том смысле, что исследователь, “не делая умного лица” в общении в деревенскими людьми, систематически обнаруживают такое лицо в стиле своего поведения, образцовости поступков, пунктуальности, стремлении выполнить различные просьбы, в скромном, но решительном уходе от панибратства и

спонтанных хмельных гулянок, на которые столь охоча современная российская деревня. И эта "дистанция" не отдаляет исследователей от их респондентов. Напротив, это только усиливает доверие крестьян к ученым, способствует открытости в общении и, в конце концов, получению достоверной социологической информации. Когда отобраны семья и принята тактика повседневного общения с крестьянами, полевое исследование вступает в свою главную фазу.

Как мы работали внутри семьи? Исследовательская работа социолога, вступившего в круг крестьянской семьи, представляет собой довольно продолжительный и сложно координированный акт, состоящий из ряда организационно-технических и собственно исследовательских процедур. И буквально в каждой семье этот акт ощущается и вспоминается как неповторимое, занимающее особое место в душе и сознании его участников, событие. В точности воспроизвести в каждой из крестьянских семей необходимые организационные и научные действия интервьюеру вряд ли когда-нибудь удастся. Но здесь важна последовательность и состав действий социолога. Так, в ходе полевой работы в селе выработалась определенная схема, позволяющая не только начать, но и результативно окончить каждый семейный исследовательский микроцикл. И, что самое важное, – выйти из сельской семьи не только с солидным информационным багажом, но и создав в ней ощущение, что у крестьян появились новые друзья.

Как мы фиксировали главного рассказчика? Войдя в крестьянскую семью, необходимо закрепить за одним из ее членов (обычно это самый старший по возрасту человек) роль основного рассказчика. Это нужно для систематического поддержания порядка и размеренности социологического опроса, для того, чтобы уберечься от возможных информационных взрывов, когда вдруг шлюзы памяти распахиваются и присутствующие в момент разговора с главным рассказчиком члены семьи, перебивая друг друга, спешат "выложить на стол" все, что вспоминается ими по тому или иному поводу, периоду жизни и пр. Подобная ситуация, уместная в вольной беседе, очень нежелательна в процессе длительного программного интервью, к тому же от начала до конца записываемого на магнитную ленту. И поэтому исследователю нужно организовать работу таким образом, чтобы возможные свидетели и участники опроса четко уяснили, что центральной для социолога фигурой является совершенно конкретный человек – основной респондент.

Каждый полевой исследователь может выбрать свой собственный способ решения этой проблемы. Скажем, он "зафиксирует" основного информанта, внятно указав на то, что именно к этому человеку посоветовали обратиться весьма авторитетные в деревне лица. Или же подчеркнув то обстоятельство, что социологу необходим развернутый рассказ о давно минувших событиях и поэтому он обращается к их непосредственному очевидцу. Либо акцентировав тот момент, что старший член семьи имеет неоспоримое и преимущественное право говорить и высказываться. Возможны и иные, более "мягкие", – без лишних слов, а только с помощью знаков особого внима-

ния и подчеркнутого уважения организуемые, – варианты фиксирования главного рассказчика. Важно только не пренебречь этим, по существу, организационно-техническим моментом, чтобы потом не быть вынужденным возвратиться к нему, когда тебя вдруг охватит тревога за качество и элементарную разборчивость выговариваемых текстов.

Как мы относились к людям, внезапно вступающим в беседу? У людей (родных, знакомых, соседей), присутствующих при интервьюировании основного информанта, время от времени появляется желание вступить в беседу, уточняя, опровергая, или соглашаясь с тем, что говорит главный рассказчик. Эти моменты, с одной стороны, очень опасны, поскольку могут спровоцировать более или менее тяжелый сбой в развертывании воспоминаний, смутить информанта и мгновенно перестроить его на некие новые сюжеты. Прежняя тема разговора обрывается при этом буквально на полуслове. Но, с другой стороны, вход в беседу других людей может быть весьма полезен, так как это способно вызвать “форсаж памяти” информанта и внести в его дальнейшее повествование поистине драгоценные эпизоды и детали. Имея в виду этот двоякий эффект, необходимо организовать ход опроса таким образом, чтобы, во-первых, нейтрализовать спонтанные вмешательства свидетелей беседы и, во-вторых, поощрить их инициативу и не препятствовать их желанию высказаться. Вот пример удачного “парного конферанса”:

“Е. Шаронова:– Вы, ребята, хоть бы про колхоз книжку написали: как бабы в колхозе работали, как на коровах пахали. Мне, вот, соседка доверила корову. И я одна пахала с ней, только с этой коровой. Ни с кем не ругалась через это. А то ведь как обычно было? – восемь коров запрягали и восемь баб. Идут, идут... Ну, щелкнул корову, – погонять-то надо! Ну, одна щелкнула, а другая кричит: “А, чертова сопля, – че мою корову бьешь?!” А другая в ответ: “Ах, чертов пупок!...” И пошло дело! И вот эдак свяжутся, – и дрались, и разбивали друг другу морду...”

Я. Клочков: – А ты ж говорила, что твоя корова хитрая была: она в ярмо не шла никак.

Е. Шаронова: – Дак это старая не шла, а другая-то шла.

Я. Клочков: – Тебя же обзывали – кулацкое отродье и корова, мол, у тебя кулацкая – в колхозное ярмо не идет!”

Самое простое и самое действенное в этом случае правило – “говорить по очереди”. И его нужно систематически внушать собеседникам, чтобы в пространстве общения возникли и укрепились некие устойчивые поведенческие ориентиры, к которым собеседники довольно быстро привыкают. Однако распределенность внимания социолога обязана быть неравномерной, – в фокусе этого внимания должен постоянно находиться основной информант. И эту преобладающую нацеленность необходимо систематически демонстрировать с помощью серии не только словесных, но и вазомоторных приемов, – выбирая место поблизости от рассказчика, сочувственно наклоняясь в его сторону, стараясь не сводить с него внимательного взгляда и т.п. Этим достигается эффект временного, ситуативного “отсечения” остальных участников разговора от основного канала информации, поступающей к социоло-

гу. Вместе с тем информационные связи с присутствующими должны быть постоянно готовыми к их мгновенному включению. И как только в ходе основного интервью вдруг возникает новый, неожиданный информационный поток, следует немедленно повернуть голову в сторону говорящего, а еще лучше, приблизить к нему диктофон и полностью включить его в основной разговор.

Эффективным методом иерархической расстановки собеседников является следующий прием: нужно, возвращаясь от факультативных эпизодов общего разговора к регулярному интервьюированию главного информанта, запомнить и повторить последнюю сказанную им фразу. Этот нехитрый прием (я называю его "эффектом эха") способен в подавляющем большинстве случаев вернуть память и эмоциональную настроенность рассказчика в ту позицию, когда его вдруг прервали или он сам остановился, раздумывая и вспоминая. И если даже рассказываемая устная история крестьянской семьи по форме будет выглядеть прерывистой, наполненной разного рода отступлениями, все же главная содержательная магистраль окажется вполне ощутимой и видимой, неуклонно проложенной через весь записанный на магнитную ленту текст.

Как мы обходились с текстом вопросника? В ходе работы с информантом постоянно возникает вопрос: держать ли брошюру с программой интервью на столе и глядеть в нее или же задавать вопросы по памяти? Поскольку каждый из участников полевого исследования принимал участие в формулировании, обсуждении и уточнении каждого социологического инструмента проекта, то их содержание, вплоть до малейших деталей, прочно отпечаталось в памяти и особой нужды заглядывать в текст вопросника у социолога не возникает.

Казалось бы, в этой ситуации можно вполне обойтись без текста и строить разговор преимущественно в форме свободной беседы, в ткань которой вкраплены все составленные заранее вопросы. Однако, пробуя использовать оба метода опроса (с использованием брошюры-методички и без нее), мы убедились, что, при почти полной их содержательной равноценности, первый вариант определенно вносит в ход общения с информантом по крайней мере один дополнительный психологический нюанс, некое новое качество и особую настроенность, не заметные при отсутствии на столе текста социологического инструмента. И эта настроенность возникает, как мы понимаем, в силу того, что социолог, постоянно заглядывающий в перечень вопросов, прочитывающий их в том виде, как они были составлены, а затем переформулирующий их в более облегченном, разговорном варианте, предстает перед информантом все в том же облике любопытствующего чудака-ученого, опасаться которого незачем.

Ибо человек, который "тычет в книжку пальчик", не опасен и не хитер, а лишь дотошен и любознателен. И по отношению к нему информант склонен, как мне показалось, занимать покровительственную позицию учителя, отца, человека знающего и опытного. К тому же наличие у социолога довольно объемистого вопросника имеет свойство разжигать любопытство самого ин-

форманта. Мы не раз были свидетелями того, как респондент, подробно ответив на очередной вопрос, с нескрываемым нетерпением спрашивал: “Ну, что еще там у тебя написано?..” Разбуженный азарт воспоминаний требует пищи – все новых и новых вопросов. И, уже войдя в эту стадию опроса, можно (и, по-видимому, – нужно) временами отходить от схемы интервью, позволяя информанту и даже поощряя его вдаваться в обширные факультативные отвлечения, существенно дополняющие ответ на конкретный вопрос. И в этом случае ситуация общения складывается так, что социолог-интервьюер и крестьянин-информант естественно вступают в область взаимной, открытой и свободной импровизации, разворачивающейся на базе строгой и продуманной партитуры программного интервью.

Простейший способ ввести эту импровизацию в заданные программой рамки – это вернуться в тот пункт списка вопросов, откуда оба участника беседы пустились в свободное путешествие по биографии самого информанта и его семьи. Эта процедура возвращения, повторенная в ходе опроса раз, другой и третий, без лишних слов внушает респонденту, что ученый – это не просто внимательный слушатель и собеседник, а человек, который хочет узнать многое и узнать это многое систематически. Что для него нет ничего лишнего и все рассказанное крестьянином годится в дело. В связи с этим очень выразительна, на наш взгляд, следующая стандартная ситуация, участниками которой мы оказывались не однажды. Информант, уже согласившись быть проинтервьюированным, обычно продолжает сомневаться в своей способности вспомнить интересующие социолога вещи, и не устает повторять: “Да разве я смогу рассказать?! Да я уж ничего не помню! Да вам все это будет неинтересно!..” и т.д. И уже после того, как интервью состоялось, и сомневающийся информант наговорил несколько магнитофонных кассет, он искренне удивляется: “Как это я смог все это вспомнить и все рассказать?!..” Думается, что подобная ситуация весьма симптоматична, ибо путь от мнимой беспамятности и незнания к возникающей на глазах системе воспоминаний, к подлинному “голосу снизу” пройден информантом во многом с помощью социолога, который со всей своей научной “машинерией” (включая раскрытый на столе текст вопросника) выглядит как безвредный и любознательный человек, не жалеющий времени на расспросы. И это последнее обстоятельство “провоцирует” информанта на развернутые воспоминания, на то, чтобы он, зная о былом не понаслышке, научил собеседника этим знаниям, ввел его внутрь истории российского крестьянства.

Как мы использовали диктофон? Вся устная информация, поступающая от крестьян, фиксировалась с помощью портативного диктофона. Применение этого аппарата не ограничивается лишь его своевременным включением и остановкой. Он должен быть легализован в пространстве общения не только как момент технологии, но и содержательно, – и как свидетель беседы, и как ее незримая аудитория, и как своеобразный “детектор правды”. Как показал опыт, от правильного оперирования со звукозаписывающей аппаратурой (дела, на первый взгляд, сугубо технического), очень часто зависит “градус откровенности” информантов, уровень насыщенности общения

моментами доверительности, сердечности и, если так можно выразиться, “степень неблагоприятия” участников интервью, позволяющая, оставив в стороне условности, высказываться крепко, определенно и азартно. Техника использования диктофона предполагает две возможности: 1) работать с ним, когда он полностью замаскирован и 2) держать аппарат принципиально на виду, демонстрировать его собеседникам. В первом случае общение с информантом принимает форму обычного, хотя и довольно продолжительного разговора, который, будучи временами предельно откровенным, все же несет на себе заметный отпечаток обыденности и, что самое важное, необязательности, – в том смысле, что информант, отвечая на вопросы интервьюера, не стремится выстраивать некую систему фактов, оценок и мнений. Как нам показалось, при такой организации беседы довольно велик объем информационной “пустоты”, своеобразного “белого шума”. И здесь ничего не поделаешь, так как никаких особых событий не произошло: два человека встретились, поговорили и разошлись. И потребность в сохранении, тщательном сбережении подробностей устного рассказа является для респондента в данном случае как бы незапрограммированной, поскольку в поле зрения нет фиксирующего разговор прибора. Кроме того, о наличии скрываемой от него аппаратуры информант может догадаться, случайно ее обнаружить, услышать шум мотора, щелчки и т.п. И тогда все усилия, которые были употреблены на организацию данной беседы, пропадают зря – человек смущается, обижается, умолкает и, в конце концов, делает все, чтобы поскорее расстаться с социологом. И хорошо, если он не расскажет об этой невинной хитрости приезжих специалистов родне или соседям!..

Второй вариант действий (при котором следует демонстративно держать диктофон на столе), как нам, исходя из собственного опыта, представляется, гораздо предпочтительней. Выкладывая на общее обозрение диктофон, запасные кассеты и аккумуляторы, брошюру с набором текстов социологического инструментария, бланк генеалогической схемы, записную книжку, карандаши, линейку, часы и прочее, социолог создает буквально на глазах информанта своего рода научную микролабораторию, к наличию которой крестьяне относятся, как мы заметили, весьма почтительно.

Прощаясь с нами, пожилая усть-медведицкая казачка Елена Шаронова так сформулировала итог своего жизненного крестьянского опыта: *“Экономно жили люди! И не именно мои только родители, – все экономно жили!.. А сейчас?! Да разве что будет, как люди нынче живут?! Сроду не будет!.. Хучь пишете вы, хучь не пишете! – если работать не будете и экономно жить не будете, ни черта ничего у вас не будет!”*

Совет хорош, – крестьянской экономности многим стоит поучиться. Но вряд ли стоит экономить силы и время, чтобы внести в крестьянские устные архивы еще один рассказ, еще одну биографию и еще одну судьбу.